Kopf David, Joarder, Safiuddin, eds. (1977) *Reflections on the Bengal Renaissance*, Institute of Bangladesh Studies, Rajshahi.

Madge, Elliot W. (1982) *Henry Derozio: The Eurasian Poet and Reformer*, Naya Prokash, Calcutta.

Pearson, John (1843) *An Exposition of the Creed*, Vol. I, 2nd ed., Oxford University Press, Oxford.

Philip, T.V. (1982) "Introduction", *Krishna Mohan Banerjea: Christian Apologist*, Ed. with Introd. by T.V. Philip, CISRS, Bangalore.

Rashkovsky, Eugene B. (1986) "To the publication of the letter by P.Ya. Tchaadaev", *Peoples of Asia and Africa*, Vol. 5 (1986), pp. 109–117 (in Russian).

Rashkovsky, Eugene B. (1990) *Scientific Knowledge, Institutional Science, the Intelellectuals in the East, 19th–20th Centuries*, Nauka, Moscow (in Russian).

Skorokhodova, Tatiana G. (2008) *The Bengal Renaissance: Essays on History of Socio-cultural Synthesis in Modern Indian Philosophical Thought*, Peterburgskoe vostokovedenie, Saint Petersburg (in Russian).

Skorokhodova, Tatiana G. (2011) '"Journey to the West" in the Experience of the Bengal Renaissance Thinkers', *Voprosy filosofii*, Vol. 11 (2011), pp. 163–173 (in Russian).

Skorokhodova, Tatiana G. (2012) *Young Bengal. Essays on History of Social Thought of the Bengal Renaissance. First Phase (1815–1859)*, Peterburgskoe vostokovedenie, Saint Petersburg (in Russian).

Сведения об авторе

СКОРОХОДОВА Татьяна Григорьевна – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Пензенского государственного университета.

Author's Information

SKOROKHODOVA Tatiana G. – DSc in Philosophy, CSc in History, Professor, Department "Social and humanities' disciplines", Penza State University.

О природе и важности исторических исследований[1]

Кришномохан Банерджи

Джентльмены,

я искренне желал, чтобы труд прочтения первой лекции в этом объединении[2] был передан более достойному и мудрому человеку, нежели мне, однако обстоятельства распорядились иначе, и сейчас я не уклоняюсь от своей обязанности, но приступаю к ее исполнению – сообразно вашему снисхождению и без последующего оправдания.

Создание Общества, подобного этому, никак не должно быть оставлено без внимания, словно некое рядовое событие в Индии. Долго считалось, что когда молодые люди нашей страны объединяются в организацию, то преследуют только недостойные и дурные цели[3]. И таким образом социальные устремления нашей человеческой природы сводились лишь к служению низменным целям, что доставляло нашим друзьям немало поводов для сожаления, а недругам – столько же возможностей для клеветы. Я надеюсь, что существование «Общества содействия приобретению всеобщих знаний» произведет противоположное действие и в первых вселит радость, а последних преисполнит смущением. Я надеюсь, что это объединение продемонстрирует, что несмотря на прежнее весьма плачевное состояние общества в нашей стране, ощутимые изменения к лучшему уже произошли и что теперь среди местного населения нет недостатка в тех, кто с пониманием относится к цели интеллектуального и нравственного совершенствования. Я надеюсь, что факт этот ободрит сердца тех, кто давно желает нашего освобождения от пут невежества и порока, и заставит замолчать клеветников, всегда готовых найти промахи у индуистов только ради того, чтобы насладиться пустым торжеством над нами.

За исключением двух случаев, когда образованная индусская молодежь встречалась на заседаниях, чтобы засвидетельствовать свою благодарность двум выдающимся личностям[4], чьи усилия на ниве нашего образования по праву снискали наше уважение и благодарность и сделали их имена священными в наших глазах и чьи портреты

сейчас украшают этот зал по обе стороны и призывают нас не погубить своим равнодушием их похвальных усилий, предпринятых ради нас, а один из них до сих пор среди нас и посвящает и будет посвящать себя благополучию принявшей его с любовью земли, – за исключением, говорю я, этих двух случаев, я не припоминаю никакой иной цели, ради которой образованные индусы встретились бы в столь большом и уважаемом собрании, как то, которое я столь рад видеть сегодняшним вечером. Посему, следовательно, мы должны, с одной стороны, поздравить себя с тем, что в наше сообщество вселился такой дух, и с другой стороны, постараться не растратить его в небрежении и безразличии. Мы уже пробудили большие надежды, начав проводить подобного рода заседания, и при этом обстоятельстве разочарование приведет к тем более печальным результатам. Соответственно, я прошу вас со всем уважением и почтением быть осмотрительными и объединиться для продвижения своих общих интересов, оставляя в стороне всякие посторонние различия.

Предмет моего рассуждения сегодня – природа и важность исторических исследований. Термин «исторические исследования» объемлет изучение всех тех книг, где записаны события человеческой жизни. Хотя изучение природы и инстинкта живых существ, повсеместно называемое естественной историей, и могло бы показаться требующим сейчас известной доли моего внимания, оно сделало бы мою тему излишне обширной, а в обращении подобного рода допустить такое было бы неправильно, поэтому я считаю правильным придерживаться мысли, что предмет мой отличается от естественной истории.

Исследование истории в некоторых отношениях весьма отлично по природе своей от теоретических наук. Когда мы заняты изысканиями в математике или метафизике, теоремы и теории которых нам хорошо известны и в конечном счете обращены либо к нашим внешним чувствам, либо к интеллектуальному пониманию, то благодаря нашим интеллектуальным способностям мы свидетельствуем об истинности наших размышлений. Когда нашему размышлению предлагается определенная теорема Эвклида, то мы не можем непосредственно интуитивным восприятием постичь ее истинность, но если мы обратимся к предшествующим теоремам, на которых она построена, словно дом на каменном фундаменте, то обнаружим, что принципы, которые поддерживают теорему, – это некоторые самоочевидные аксиомы, верность которых мы не можем отрицать без отвержения самой нашей природы. Нам могут сказать, что почти все теоретические науки, выстроенные на подобных аксиомах, опираются на личное свидетельство об их истинности, – когда мы открываем их концепции с самоочевидными принципами. Напротив, исследование истории отличается по природе своей. Уроки этой важной отрасли знания не могут быть сведены к любой самоочевидной аксиоме – и мы также не можем подтвердить ее истинность независимо от других соображений. При всей нашей изобретательности мы не можем доказать с помощью аксиом, что Александр Великий определил целый период в империи персов; или что Юлий Цезарь водрузил знамя Рима в Британии. Мы в наших кабинетах никогда не сможем решить, отчего факты должны быть таковы и почему. Мы не сможем преуспеть в истории – ни измеряя время пространством, ни доказывая исторические факты научной дедукцией. Причина этого в том, что история не поддается нашим независимым и абстрактным размышлениям, подобно математике. Каким бы ни был необходимый замысел о связи между событиями человеческими и проявлением в них Всемогущего Бога – это особая тайна, относящаяся к намерениям Божества. Но настолько, насколько простираются наши наблюдения, – а это все, к чему мы можем обращаться в таком предмете, – события человеческой жизни, которые трактует история, произошли от случайных – какими они были – непредвиденных обстоятельств. Нет никакой слепой судьбы, диктующей их, никакой необходимости, воедино связывающей их, никаких небесных явлений, предшествовавших им в качестве необходимых причин или идущих за ними как последствия. Следовательно, невозможно для человека – будь он простодушен или высокообразован, будь он великим предсказателем или мечтателем, – невозможно для него представлять веления истории доказуемыми посредством человеческого

понимания или знать что-либо о прошлых эпохах, если он не соизволит надлежащим образом пройти обучение у историков.

История обращается не к тем способностям ума, к которым обращаются другие науки, но к тому принципу нашей моральной организации, который может быть назван *верой*, *убеждением* или *доверием*, если только не понимать под этим последним выражением слепое и безрассудное принятие на веру. Ни вещи вполне материальные и доступные достоверному восприятию наших чувств, ни научные положения, выводимые из известных и очевидных истин, ни даже возможные выводы из конкретных зафиксированных *данных* не являются предметами *убеждения*. Этот принцип столь умело и полно показан епископом Пирсоном[5], что я не удержусь от искушения процитировать несколько слов из его изложения этого учения.

> Теперь то должным образом заслуживает доверия, – говорит ученый прелат, – что не является ни самоочевидным, ни определенно сделанным выводом – будь то предшествующим по причине либо следующим из результата, и, хотя и ни одним из этих способов, все же подтверждается как истина. Ибо те вещи, которые самоочевидны, являются таковыми либо по отношению к нашим чувствам – как то, что снег белый, а огонь горячий, – либо по отношению к нашему пониманию – как что-либо целое больше, чем любая из его частей, и как что-либо воображаемое либо есть, либо его нет. Вещи первого вида, предъявленные нашим чувствам – одни взгляду, другие осязанию, – кажутся непосредственно истинными и, следовательно, определяются не как *вероятные*, но как *очевидные для чувств*; что же до предъявленных пониманию вещей другого вида, то они непосредственно приняты и признаны как самоочевидные истины и, следовательно, не *вероятны*, но очевидны для понимания. И таким образом эти вещи несомненны, и правильно их называть не *достоверными*, но *познанными*.
>
> Опять же, другие вещи, непосредственно не самоочевидные, предстают как самые определенные и очевидно истинные благодаря непосредственной и необходимой их связи с чем-либо уже познанным. Поскольку каждая естественная причина, реально приведенная в действие, произведет с необходимостью естественное следствие, и каждое естественное следствие полностью зависит от своей надлежащей причины и абсолютно предполагается ею, то, следовательно, должна быть и непосредственная связь между причиной и следствием. Из чего следует, что если связь эта однажды ясно воспринята, то следствие будет познано в самой причине, а причина – в следствии. И такими способами, проистекающими из принципов, явно известных благодаря определенному заключению о последствиях, мы приходим к знанию теорем в математике и к утверждениям в других науках, где утверждения и выводы не вероятностны, но научны и относятся не к вере, но к науке.
>
> Кроме того, есть некоторые вещи, которые хотя и не самоочевидны и не представляются необходимо связанными с их причинами или следствиями, тем не менее в большинстве своем производят впечатление истинных благодаря некоторым внешним отношениям к другим истинам; но несмотря на это, подобная кажущаяся истина все же оставляет в себе возможность ложности, и потому не побуждает принять ее. В таковом случае все то, что понимается таким образом, – если оно основано на настоящих аргументах, – называется не вероятным, но правдоподобным; и принятие такой истины является не верой, а мнением.
>
> Но когда нашему вниманию предлагается что-либо, не являющееся ни явным для наших чувств, ни очевидным для нашего понимания, как и не имеющее необходимых связей ни с породившей его причиной, ни с естественно проистекающими следствиями, как и с любыми настоящими аргументами или ссылками на другие признанные истины, но несмотря на это предстает пред нами как истинное, – но не через проявление, а через удостоверение истины, то так мы приходим к принятию его не как такового самого по себе, но по достоинству свидетельства, передаваемого ему; сказанное должным образом является достоверным, и принятая таким образом достоверность есть должное понятие о вере или убеждении[6].

Этот принцип принятия фактов и свидетельств, столь ясно определенный автором, только что мною процитированным, принцип, по которому мы убеждаемся в правдивости историков, особенно свойствен человеческому обществу. Сколь печальным было бы положение наших дел, если бы мы не доверяли свидетельствам друг друга, а требовали зримых доказательств или научного обоснования в повседневных делах! Там, где мы естественным путем не наделены принципом убеждения в правдивости наших друзей и ближних, там общество сможет развиваться не более, чем это происходит среди бессловесных созданий, – но нет, наши сообщества будут, возможно, намного хуже, поскольку даже среди животных должна быть некая разновидность взаимопонимания на основе доверия. “Nihil denique est, – сказал прелат[7] в III в., – quod in vita geri posset non si credulitas ante praecesserit”; то есть: «Ни одно дело невозможно исполнить в жизни, если ему не предшествует убеждение или доверие». Убежденность в честности наших ближних – вот самая крепкая связь внутри человеческого общества и настоящая защита человеческой цивилизации. Без нее сын не мог бы быть уверен в своем происхождении от отца, – как проницательно заметил греческий философ[8], – а друг не был бы уверен в любви своего друга; и так прекратились бы все взаимные обязательства. Люди в этом случае не могли бы ни совместно трудиться во имя общего и гражданского благополучия, ни осуществлять какие-либо замыслы, требующие их объединенного согласия и усилий. Следовательно, нельзя упрекать историю в том, что она зависит от этого принципа, – не следует также относиться к ней с недоверием потому, что она не приводит самоочевидных или научных доказательств в пользу своей истинности.

Я пустился в это продолжительное разъяснение, поскольку важность моей темы взывает к ясному видению ее предмета, а понимание этого принципа тем более необходимо нам, чье образование искони было склонно смешивать воедино историю и мифологию – факты и легенды, истину и вымысел, – без разбора принимая их за истину или отвергая их все подряд как всецело ложные, выметая золото вместе с мусором. Этот тип обращения с произведениями, которые оставили нам историки, исключительно ошибочен, и было бы непростительно, если бы мы не приняли во внимание вопиющий недостаток достоверных летописей в нашей собственной литературе и отсутствие каких бы то ни было документов, которым суждено привлечь наше внимание и получить признание. Мифологические легенды, которыми изобилует наш древний и прекрасный язык[9], показывают, насколько высоко ценилась поэзия в нашей стране во дни ее древнего величия, – но они никоим образом не зарекомендовали себя в качестве исторических сочинений. Ибо естественный принцип веры в правдивость историков не требует нашего согласия с вымыслом и романтическими фантазиями поэтов и романистов. Это приводит меня к рассмотрению обстоятельств, которые ограничивают наше убеждение и при отсутствии которых доверие к записанным вымыслам вырождается в слепое легковерие.

Поскольку мы не можем убедиться в истинности истории через собственное восприятие или научное исследование, постольку принципиальным основанием нашего убеждения является свидетельство авторов, которые изложили события прошлых эпох для нашего наставления. Сила такого свидетельства соразмерна авторитету конкретного свидетеля. Среди всего прочего авторитет включает два серьезных качества, а именно – способности и честность. По меньшей мере одним из двух путей историк вполне может ввести в заблуждение последующие поколения. Он ведь может и сам ошибаться, и тогда, к несчастью, он облачит ложные утверждения в священные одежды истины и невольно, неумышленно будет навязывать их своим читателям. Либо он может, хотя и владея всей полнотой истины, сознательно вводить будущие поколения в заблуждение, обнародуя заведомую ложь, дабы служить недостойным целям. В первом случае он вводит в заблуждение из-за недостатка способностей, во втором – из-за отсутствия честности. Следовательно, мы должны удостовериться, что историк является и способным, и готовым правильно и достоверно сообщать нам о чем-либо, прежде чем мы дадим свое согласие на то, чтобы он нам это сообщил. Его первое качество, а именно способность учить будущие поколения, включает критическое рассмотрение

местных обстоятельств, в которых он оказался. Если мы обнаруживаем его повествующим о событиях в стране, где он постоянно проживает как гражданин или же прибывший в нее путешественник, и если он рассматривает нравы и обычаи народа, с которыми лично был знаком, или события, увидеть которые он имел возможность непосредственно сам или благодаря не вызывающей сомнений традиции, – то мы вполне можем быть уверены в его способностях. Когда Цезарь описывает войны в Галлии[10], в которых лично участвовал, когда Ксенофонт[11] описывает отступление греческих наемников Кира Младшего[12], в котором сам сыграл важную роль, когда Ливий[13] пишет историю своей страны или когда Иосиф[14] ссылается на события той драматичной войны, которая завершилась разрушением города Иерусалима и его храма, – то все их тексты подобны свидетельствам очевидцев в суде, по поводу их способностей нет и не может быть никаких справедливых возражений.

Обращаясь к другому качеству, создающему честного историка, хотелось бы думать, что в человеческой природе в целом заложено отвращение к обману, когда он не происходит под влиянием искушения. Вместе с пороками, которые так искажают человеческие достижения, все-таки существуют в известной мере некие честные и добрые принципы, подобно руинам некогда величественного здания обращающие наши мысли к золотому веку нашей первозданной невинности и даже в современном всплеске безнравственности сохраняющие род человеческий от лжи и обмана, тогда как пороки не обещают пользы от своих мнимых преимуществ. Людям по природе не нравится лгать, хотя они без колебаний лгут, когда на кону их интересы, кроме тех случаев, когда их моральные принципы противостоят соблазну. Греческий писатель, обращаясь к нашей естественной склонности не принимать ничего, кроме того, что мы считаем истиной, пишет, что разум, всегда приверженный истине, никогда не потерпит малейшей предрасположенности к чему-либо ложному, но к утверждению явно истинному он расположен сразу и всеми средствами[15]. Я готов продолжить это утверждение и заявить, что приверженный истине разум точно так же противится предлагать восприятию других что-либо кроме того, что представляется истинным. Мы можем, следовательно, всегда вырабатывать вполне точную оценку принципов, которые влияют на человеческие действия в целом, и было бы неестественно полагать, что всякий представитель рода человеческого без каких-либо достаточных мотивов хладнокровно усядется выдумывать истории, чтобы обмануть будущие поколения. В отсутствие всяких соблазнов солгать мы можем полагаться на правдивость историка без особой опасности обмануться. Сама природа наделила принципом веры наши умы, да и сами мы не склонны сомневаться в искренности человека, если очевидно, что он не заинтересован в неистинности, иначе это предполагало бы безмолвное обвинение против проявляющего себя в мире Господа, – если бы факты не соответствовали этому принципу или же просто приводили к превращению нас в жертв лжецов и обманщиков.

Когда способность и честность автора совершенны, мы вынуждены принимать его утверждения, сделанные серьезно и убедительно. Я добавляю слова «серьезно и убедительно», потому что мы не призваны убедиться в истине и пишущий, видимо, сам не намеревался нас принудить к этому; и это дает нам право отличать истинную и подлинную историю от мифов и художественного вымысла.

Образованным слоям в нашей стране очень нравится бесчестить нас за чрезмерную склонность к иностранным документам и неестественные предубеждения против нашей собственной литературы. Нас обвиняют в необоснованных пристрастиях к западной литературе при пренебрежении своей собственной. В известной мере это обвинение включает нежелание молодого поколения стремиться к изучению восточных языков, что справедливо заслуживает порицания, – и я искренне желаю, чтобы все вместе мы исправились и возвратились к заботе о наших родных наречиях, большей, чем привычная нам. Но обвинение это ложно и необоснованно, когда оно простирается дальше и касается нашего восприятия подлинных историй Европы и пренебрежения индийскими легендами. На древнем языке нашей страны невозможно найти ни одного труда, предполагающего серьезное обращение с фактами, и сейчас не идет речь о рассмотрении

способностей и честности авторов. Возьмите для примера «Рамаяну»[16] – произведение, которое по своим поэтическим достоинствам не уступает ни одному сочинению на санскритском языке. Но возможно ли принять его как руководство по истории? Не больше, чем «Илиаду» Гомера[17] или «Энеиду» Вергилия. Уже вводная часть поэмы открывает ее истинный характер, и если читатель почувствует разочарование, не найдя ожидаемых исторических данных, то это будет его собственный промах, поскольку автор никогда не давал ему и малейшего намека на серьезность своего намерения подробно изложить подлинные факты. Вальмики никогда серьезно и искренне не претендовал на то, чтобы записать подвиги Рамы для сведения будущих поколений, но он свободно и искренне, хотя и не очень скромно, называет свои усилия «Божественной поэмой», обещая земное и духовное блаженство тем, кто, поднявшись на ветвь поэзии, словно птица распевает сладостное и мелодичное имя Рамы:

Rāma Rāmeti Rāmeti kūjantam madhurakṣiraṃ
Ārudha kavitaśākham Vālmiki kokilaṃ.

Но раз уж мы воздаем должное поэтическим сочинениям, тогда можно ли нас справедливо порицать, если мы воздержимся от слепого доверия к этим повествованиям? Авторы таких произведений не желали и не ожидали, что мы воспримем их как истории, в которых изложены факты; это только поэмы, полные возвышенных и романтических мыслей и представляющие плоды творческой фантазии, изысканный стиль и мастерское владение языком. Умеренность и простота стиля – не только характерные признаки серьезности и искренности писателя, но также и лучшее доказательство истинности его утверждений, а недостаток их соответствующим образом должен вызвать у нас подозрения по поводу подлинности его повествований. Из-за поэтического стиля изложения, пронизывающего «Киропедию»[18] Ксенофонта, ее справедливо называют историческим романом. Не то чтобы автору недоставало способности или честности при изложении интересных событий жизни Кира Великого, но сам его стиль, словно огромный комментарий к его замыслу, с высокой долей правдоподобия показывает, что автор скорее моралист, нежели историк, и что он желал бы поведать о гораздо большем, чем позволяли сделать имевшиеся у него факты. Там, где язык прост, все может зависеть от точности и истинности отношений между фактами – так как в этом случае у историка нет искушения отклониться от его прямого пути. Отсюда следует, что поэзия – не лучшее облачение для исторических сочинений, и ни одному здравомыслящему историку не стоит прибегать к ее помощи, зная о множестве отвлекающих от сути ограничений, присущих ей меры фантазии, вкуса и проч.

Что же касается удивительных и сверхъестественных заявлений, которые в известной степени содержит история, то здесь много путаницы. Люди в большинстве своем впадают в крайности при обсуждении предметов, пренебрегая тем здравым смыслом, который один только и должен влиять на наши суждения и решения по всем вопросам. Одни целиком принимают за истинные такие сверхъестественные повествования, без пристального рассмотрения авторитетности источника, на котором они основаны, и без внимания к общей максиме: мы с трудом верим рассказам о необычном, и, следовательно, они должны сопровождаться более вескими свидетельствами, чем свидетельства об обычных обстоятельствах. Мы естественным образом менее расположены к принятию на веру необычного по сравнению с обычными историями, и потому когда для первых имеется самый обычный источник, то никак не нарушается исконный принцип убеждения, побуждающий нас не поверить. Но, кроме того, есть другие люди, для которых каждое свидетельство необычного свойства представляется совершенно ложным. И эта позиция столь же далека от здравого смысла и истинной философии, как и первая, и благоразумие повелевает нам отвергнуть обе эти опасные привычки – слепое доверие и чрезмерный скептицизм. Мы не должны отвергать каждое свидетельство, которое превышает наше воображение, по одной этой причине – хотя по той же причине мы должны тщательно его анализировать и строго, до самых истоков пристально проверять источник, на котором оно основано. Если был бы принят принцип

отвержения всего, что представляется необычным, то человек никогда не смог бы приобретать новые идеи, – как ребенок, вступающий в зрелость, не сможет усвоить и сотой части нового, если не откажется от всевозможных рассказов, казавшихся чудесными его детскому уму.

Следовательно, наша обязанность при встрече с чудесными свидетельствами, – не объявлять их ложными из предвзятости, но внимательно исследовать их источник и проверить, могут ли быть выдвинуты какие-либо сомнения в отношении способностей и честности конкретного историка. Если по рассмотрении мы уверимся в том, что он в этом отношении безупречен, если увидим, что он серьезно и убедительно повествует об этом безо всяких возможных мотивов для лжи, а, напротив, при любых обстоятельствах может доказать свою честность; и если его стиль – скорее стиль настоящего историка, нежели писателя-романиста, тогда истинная философия требует, чтобы мы приняли его свидетельства как факты. В противном случае мы нарушили бы первый принцип исторических исследований и дали бы основание каждому историку пожаловаться на нас вместе с Саллюстием[19]: “quae sibi quisque facilia factu putat aequo animo accipit; supra ea, veluti ficta pro falsis ducit” – «Все, что человек считает легко осуществимым, он принимает с беспристрастным и добрым духом; но все то, что выходит за рамки его собственного воображения, он объявляет ложным, как если бы это было чистым вымыслом».

Большинство из этих чудесных повествований, которые ученым приходится отвергнуть, не выдерживают испытания исследованием. Некоторые рассказаны относительно малоизвестными авторами, чьи источники никогда не были ясны; на другие ссылаются здравомыслящие историки, но в таком стиле, который достаточно показывает, что они не сами получили эти факты, – для примера я бы сослался на замечания Ливия о происхождении римлян. Кроме подобных заявлений тем не менее есть и описания чудес, пришедшие к нам из таких неоспоримых источников, что просто невозможно отвергнуть их, не причинив насилия всей истории. Для примера я бы сослался на чудеса, которыми прославился Тит при осаде Иерусалима[20] в правление Веспасиана, – достоверное повествование о которых встречаем у Иосифа и Тацита.

Я перехожу ко второй части моей темы, о важности исследований, природу которых я сейчас рассмотрел. Первое и самое очевидное, что приходит на ум, – то наслаждение, которое дарят исторические исследования ученому. Я не недооцениваю тех удовольствий, которые приносят ученому другие области рациональных и полезных интеллектуальных занятий, и я знаю, что сам великий Цицерон указывал в качестве одной из причин, побуждающих его так много времени уделять философским рассуждениям, именно удовольствие, которое это занятие приносило ему в минуты досуга или бездействия. Однако, по моему скромному мнению, на то, чтобы вызвать в умах наших возможно больший интерес, гораздо более рассчитано следование за ходом исторического исследования. Перенести наши мысли назад, в детство человеческого общества – рассматривать человека с его грубыми и варварскими нравами, когда он еще жил в хижинах и пас свои коровьи стада, – видеть его существующим без письменности и без законов, при первобытном патриархальном строе, – и следовать за ним в его медленном и постепенном продвижении к цивилизации и просвещению – все это занятия в высшей степени восхитительные. Таким путем, не выходя из своего уединения, мы получаем то огромное удовольствие и впечатления, которые путешественники приобретают большой ценой неприятностей и тревог. История воссоздает в нашем воображении тех великих и достойных людей древности, которых мы пламенно, но тщетно желаем увидеть своими глазами. Нам вспоминается эпоха древней славы Азии. Мы видим рост населения, начало цивилизаций, расцвет письменности, появляющиеся формы правления, учреждаемые законы, – и людей, утверждающих свое превосходство над прежде грубыми созданиями в землях Востока. Мы находим Нимрода[21], снедаемого монаршим честолюбием и покорившего дикие независимые племена. Мы обозреваем основание Ниневии[22], возвышение и рост влияния Египта. Мы созерцаем женщину[23], украшающую град Вавилон и придающую ему величественный облик, подобного

которому не было прежде. Мы открываем ту же Семирамиду, ведущую большую армию на наши территории, но возвращающуюся после поражения, нанесенного доблестными сынами Индии. Вскоре наше внимание привлечет возникновение и взлет греческих республик. Наши глаза с пристальным интересом вглядываются в основание Афин, заложенных как колония Египта[24]. Мы с удивлением и изумлением обозреваем быстрые успехи в учености и цивилизации в этой счастливой стране. Мы восхищены ее прогрессом в философии. Мы видим возведение Рима на семи холмах. Мы удивляемся мощным последствиям, произведенным самоубийством одной женщины, и видим Тарквиния изгнанным благодаря влиянию того самого человека, с которым он пред этим обращался как с глупцом или животным[25]. Мы безмолвно – по мере чтения – одобряем или осуждаем добрые или дурные действия наших персонажей. Мы наблюдаем, как одни законодательства сменяют другие законодательства, которые не справились с должным регулированием деяний человеческих, и после продолжительного испытания разных систем монархического, олигархического, аристократического и демократического правления видим их окончательный провал, что исторгает горестный вздох из нашей груди и на некоторое время приводит нас вместе с Ксенофонтом к утрате всякой надежды на то, что такое *неисправимое дикое животное*[26], как человек может быть вообще обуздан средствами закона.

В это же время мы видим обширную империю, возникающую на изнеженном Востоке при великом Кире, который, отвечая на пророчество Дельфийского оракула о муле[27], ставит точку в истории царств Лидии и Ассирии и закладывает основы Персидской монархии. Затем мы слышим об удивительных событиях, свершавшихся на равнинах Марафона, при Фермопилах и Саламине[28]. Численно превосходящее многочисленное войско Персии было обращено в бегство всего несколькими тысячами греков. Сердца наши замирают. С трепетом удовольствия наблюдаем мы за полной событиями битвой при Саламине. Сама возможность поражения Фемистокла призывает нас размышлять о возможных ужасающих последствиях персидского правления в случае победы Ксеркса. Ведь это положило бы зловещий конец всей греческой философии и литературе, и человечество, возможно, никогда не получило бы ту цивилизацию, которая пришла в Рим из Афин и оттуда уже распространилась в Европе. Цепь событий приводит нас к Римской республике, но затем к эпохе Августа. Затем мы видим величайшие империи в упадке, с трудом поддерживающие себя под гнетом собственной тяжести. Обращение Константина[29] приковывает наше внимание и заставляет размышлять о взлете и распространении нового религиозного движения, построенного на основании иудейской институциональной структуры тем, чей облик был – «муж скорбей и изведавший болезни» (Ис. 53:3); и оно выстояло – без всяких временны́х преимуществ на своей стороне, при объединенных и повторяющихся поражениях от языческих и иудейских гонителей, как и вопреки силе десяти имперских эдиктов, принятых против него, – медленно, но уверенно распространилось среди всех слоев народа, пока наконец не проторило путь в самый императорский дворец и получило приют и защиту от того самого трона, который прежде тщетно напрягал все силы ради его подавления.

Нет необходимости до конца входить в подробности, дабы не утомить вас. Все, на что я уже указал, подтвердит суждение, что изучение истории рассчитано на предоставление интеллектуального удовлетворения, подобное которому могут принести очень немногие занятия. Следовательно, только для слабого и развращенного интеллекта характерно предпочтение сказок и романтических историй истинным и достоверным историческим повествованиям. Я никоим образом не осуждаю чтения романов вообще – я знаю, что в определенных случаях хороший роман может доставить большое удовольствие. Но когда человек приобретает привычку с наслаждением внимать сказкам и басням и пренебрегает историческими сочинениями, его умственные способности должны оказаться на очень низком уровне.

Однако история обещает пытливому исследователю не просто развлечение для расслабленной праздности. Невозможно размышлять над насыщенными историческими повествованиями – личными и национальными, – не усваивая важных уроков.

Мы не можем рассматривать действия и подвиги наших ближних, не развивая значительно наши интеллектуальные силы и не уточняя наших суждений. Литературное наследие историков обогащает наши умы опытом целого мира, дарует нам полное знание различных проектов и замыслов, которые человечество пыталось воплощать и исполнять ради развития своей природы, и мы сможем к нашей собственной пользе легко отличить те попытки, что увенчались успехом, от тех, что потерпели провал. Мы извлекаем пользу из опыта сказаний, которые сложены до нас и дорогого стоят, – и хотя мы не платим ту цену за провалы и разочарования, что платили жившие до нас, чьи судьбы предупреждают нас избегать тех дурных принципов, которым – как мы понимаем при спокойном размышлении – повсеместно все следовали при неблагоприятных обстоятельствах. Три тысячи лет, прошедших с начала реальной и достоверной истории, протекли не зря. Они видели взлет и прогресс, упадок и гибель множества обширных империй. Они отмечены господством и угасанием бесчисленных мнений и теорий. Они породили и затем последовательно отменили множество разнообразных планов, замыслов и законоуложений. И можем ли мы обозреть такое множество интересных событий, не извлекая из них для себя важных уроков?

Историю следует назвать философией, которая учит примером. В жизни нет такого занятия, которому нельзя было бы найти параллели в свидетельствах прошлых эпох, и вследствие этого нет такого рода людей, для которых занятие историей было бы просто развлечением. Вряд ли ученый не извлечет серьезной пользы, рассматривая разнообразные изменения, происходившие в разные периоды в литературе. Изобретение письменности на Востоке; древнееврейский язык, дающий алфавит халдейскому арабскому языку и его близким диалектам, в итоге приводящий к изобретению греческого алфавита; освященный веками санскрит достигает совершенства, которое в некоторых отношениях невозможно поставить рядом с каким бы то ни было языком; постепенное складывание греческой литературы от поэзии и прозаических сочинений до исторической науки и философии; похвальные усилия великого Цицерона в обогащении его родного латинского языка, который в его времена был столь же сильно презираем его соотечественниками, как бенгали в наши дни; а затем закат, который переживала литература в период Темных веков; далее – возрождение учености и ее установление на вечную несокрушимую основу благодаря изобретению книгопечатания; создание обществ и ассоциаций в Новое время для увековечения, развития и распространения литературы – все это темы, изучение которых принесет усердному ученому не только удовольствие, но и существенную пользу и поучение.

Не менее значимую роль играет изучение истории для человека науки. Он пожинает плоды теорий, созданных задолго до его времени. Выявление ошибок, сделанных в одну эпоху, хранит грядущие поколения от их повторения. Произведенные в одном столетии наблюдения, пусть и оставшиеся тогда несовершенными, будут завершены и усовершенствованы в другом. История сохраняет преемственность между сменяющими друг друга поколениями, и таким образом то, что из-за быстротечности жизни не было завершено в одну эпоху, в следующую будет продолжено и улучшено, а в третью или, возможно, четвертую будет усовершенствовано благодаря новым средствам. Разве бессмертный Ньютон, демонстрируя опыты, не опирался на опыт предшественников? Разве мысли Пифагора и Птолемея были записаны без всякой пользы для потомков? Разве Галилей бесцельно растратил свой могучий ум и страдал в темнице? Так может ли человек науки безо всякого интереса читать об истории своей науки от самых истоков человеческих размышлений?

Также и философ извлекает свою долю из богатого и неистощимого рудника повествований. Он изучает человека с самого его детства. Он видит, что природа человеческая была и остается способной как к великому совершенствованию, так и к глубокому варварству. Он замечает злобность и слабость своих ближних – каковы они большей частью есть, рабы своих порочных страстей и вожделений. Он краснеет от стыда из-за человеческих злоупотреблений, вызванных страстями, от неверной и ложной славы, которую снискали герои, уничтожавшие себе подобных, от безнаказанности, с который

сильный попирает слабого. Душа страдает от свирепой жестокости, что господствовала даже в расцвете Греческой и Римской цивилизаций. Он с глубоким интересом рассматривает попытки философов и мудрецов преодолеть потоки зла. Его сердце бьется, когда он взирает на Сократа, павшего жертвой народного гнева, и ожидает, что гибель его могла бы пойти на пользу человечеству, однако обретает лишь печальное разочарование. Лекции философов были ограничены малым кругом учеников и лишь тем, что касалось простых размышлений. Никаких значительных изменений в практике не было заметно даже среди мудрых, которые считали благоразумным следовать в русле народного мнения. Народ, толпа, никоим образом не затронутая доктринами, которые не производили никакого практического воздействия даже на их создателей, – продолжали совершать грубейшие преступления и нести зло до крайних пределов. Серьезное неравенство в этом отношении все-таки наблюдается в современности. В наши дни хотя зло, несомненно, существует даже в просвещеннейших областях земного шара, все же ни по масштабу, ни по образу действий не достигает уровня, на котором пребывало в древности. Теперь порок ярится *вопреки принципу*, а тогда был в согласии с атмосферой общественного мнения. Теперь порок стыдится самого себя, и малейший свет причиняет ему боль – а в прежние времена приносил славу тем людям, которые ему предавались. Таковы предлагаемые историей наблюдения, которые философ всегда осмысливает с пользой для себя.

Что касается политика, то заметьте высшую степень пользы, которую для него должна иметь история. Обширные империи Ассирии, Персии, Греции, Македонии и Рима – биографии Альфреда Великого, Карла V, Генриха VIII, Людовика XIV, Вильгельма III[30] и множества королей, князей и министров – могут как служить предупреждением, так и ободрять каждого государственного деятеля. Форма возникновения королевств, принципы, на которых они строили свое наивысшее процветание, причины их упадка и гибели – все они должны быть собраны мыслящим наблюдателем, так как имеют величайшее значение для тех, кто желает управлять политикой своей страны. Добро и зло, которое присутствует почти в каждой системе правления, могли бы научить осторожности в принятии любых исключительных мнений. Напыщенная гордость и оскорбительное высокомерие, коими незаслуженное возвышение наделило многих порочных королей, предупреждают наблюдателя против слишком настойчивого стремления к абсолютной монархии, тогда как быстрота, с которой вершились дела, склонила бы нас в известной степени к представлению, что в условиях опасности должен быть один главный руководитель, наделенный властью для самостоятельного действия. Надменность, с которой патриции так любят обращаться с плебеями, отвращает нас от того, чтобы наделять аристократию исключительными привилегиями; в то время как невежество и распущенность простонародья призывали бы нас к установлению особых прав для знати, – мера, которая, однако, больше нежелательна в странах, подобных Англии, где знание распространилось повсеместно. Бесконечные трения и раздоры, которые из-за слабости и нестабильности Палаты Общин постоянно испытывала демократия афинского типа, могли бы служить предупреждением государственному деятелю от того, чтобы отдавать большую власть буйному и беззаботному большинству, в то время как справедливые права людей вместе со склонностью королей и аристократии пренебрегать благополучием бедных требуют, чтобы огромное большинство граждан не было совершенно лишено голоса в управлении страной. Размышления подобного рода особенно важны для тех, кто мог бы исполнять ответственную задачу помощи в отправлении правительственных дел.

Если изучение истории имеет такое огромное значение для человечества вообще, то насколько более важно оно для людей, находящихся в нашем положении! Мы никоим образом не можем удовлетвориться существующим положением дел. Нам жаль, что нас окружают столь несчастные и деградирующие соотечественники, и мы желали бы гордиться более мудрыми и совершенными умами и вдохновляться стойким гражданским духом. Неудовлетворенные нашим настоящим интеллектуальным и моральным состоянием и желая усовершенствовать себя самих и соотечественников, мы пришли

к необходимости организации нашего Общества. Мы заявляем, что будем учиться сами и желаем также вести и направлять других. Тогда можем ли мы полностью пренебречь такой отраслью знаний, которая насущно полезна для всего человечества и особенно может быть полезна для нас?

Наш случай отнюдь не беспрецедентный в анналах истории. Есть нации, которые в одну эпоху прозябали в жалком упадке, но теперь занимают выдающееся место во всем, что есть доброго и великого. Тогда разве не вероятно, что мы станем обладателями множества средств для возвышения нас и нашей страны, если будем усердно внимать урокам истории?

Можем ли мы внимательно рассмотреть восхождение Европейских обществ из низших глубин варварства, не проникая в тайны человеческого освобождения от развращенности и нищеты?

Но я достаточно уже злоупотреблял вашими, джентльмены, временем и вниманием и потому подвожу к завершению свой очерк, но буквально – еще несколько слов. Я не могу вернуться на свое место, не призвав вас снова поразмыслить над абсолютной необходимостью упорно продолжать то благое дело, которое вы на себя взяли. В общественной прессе некоторые лица уже оскорбили вас упреком в отсутствии энергии и упорства. Я не зову вас отвечать тем же, совершая ту же ошибку, на которой это обвинение основано; но я желаю, чтобы вы своим мужественным поведением опровергли все поспешные измышления. Я желаю, чтобы протоколы нашего секретаря всегда содержали достаточно свидетельств, что «Общество содействия приобретению всеобщих знаний» не было погребено в «гробнице Капулетти»[31], а, напротив, продвигалось вперед со свежей силой и мощно действовало в деле интеллектуального и морального усовершенствования.

Примечания переводчика

[1] Перевод выполнен по изданию [Banerjea 1965].

[2] Объединение (association) – имеется в виду «Общество содействия приобретению всеобщих знаний» (Society of Acquisition of General Knowledge), учрежденное в 1838 г. учениками Г. Дерозио.

[3] К. Банерджи отсылает к стереотипу, сложившемуся в общественном мнении о «Молодой Бенгалии», членов которой ортодоксы считали разрушителями священных устоев индуизма.

[4] Вероятно, автор имеет в виду основателей Санскритского колледжа (1824 г.), среди которых был британский ученый-санскритолог Хорас Хэймэн Уилсон (1786–1860).

[5] Пирсон Джон (1613–1686) – англиканский теолог и ученый, епископ Честерский.

[6] К. Банерджи цитирует фрагмент из первой главы 1 тома «Разъяснения веры» Дж. Пирсона (1659 г.) [Pearson 1843, 3–4].

[7] Св. Киприан, епископ Карфагенский (III в. н.э.) – раннехристианский писатель, автор ряда теологических трудов.

[8] Менандр (III в. н.э.) – греческий ритор, процитированный в одной из книг Дж. Пирсона.

[9] Санскрит.

[10] Речь идет о «Записках о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря (100–44 до н.э.), изложившего историю своего завоевания Галлии (58–50 до н.э.).

[11] Ксенофонт (ок. 430–355 до н.э.) – древнегреческий писатель, автор книг об истории Греции, популяризатор учения Сократа.

[12] Кир Младший – Кир II Великий (?–530 до н.э.) – первый царь государства Ахеменидов, подчинивший своей власти греческие полисы Малой Азии, Лидию, Мидию, Вавилон, Месопотамию.

[13] Ливий Тит (59 до н.э. – 17 н.э.) – римский историк, автор «Истории Рима от основания города».

[14] Иосиф Флавий (37 – ок. 100) – историк, автор книг «Иудейские древности» и «Иудейская война». В последней Иосиф повествует о восстании (66–73 н.э.) против власти Рима как очевидец и участник событий.

[15] Вероятно, Симпликий, комментарий к сочинению Аристотеля к «О душе» (210, 27).

[16] «Рамаяна» (ок. V–II вв. до н.э.) – древнеиндийская эпическая поэма, посвященная жизни и подвигам царевича Айодхьи Рамы, почитаемого как воплощение бога Вишну.

[17] В 1838 г. до археологических раскопок и открытий Г. Шлимана оставалось более тридцати лет.

[18] «Воспитание Кира», произведение Ксенофонта о Кире II Великом – больше похоже на художественное, нежели историческое повествование.

[19] Саллюстий Гай Крисп (86 – ок. 35 до н.э.) – римский политик и историк. К. Банерджи приводит цитату из его сочинения «О заговоре Катилины» ("De coniuratione Catilinae").

[20] Событие времен войны Рима против восставшей Иудеи; посланный императором Нероном на ее подавление Тит Флавий Веспасиан за два года покорил все восставшие территории. Избранный императором в 69 г. н.э., Веспасиан поручил осаду Иерусалима своему сыну Титу, который взял город и разрушил его в 70 г. с чрезвычайной жестокостью.

[21] Нимрод – сын Куша и внук Хама (сына Ноя), названный в Ветхом Завете (Быт. 8–11) основателем городов Вавилона, Урука и Аккада, а затем Ниневии и других.

[22] Ниневия – один из древнейших городов Месопотамии, столица Ассирийского царства (с XIV в. до н.э.).

[23] Семирамида – ассирийская царица (конец IX в. до н.э.), которой приписываются завоевательные войны и походы, в том числе в Индию. По-видимому, К. Банерджи исходит из данных, приводимых древнегреческим историком Аррианом (ок. 86 – ок. 160 н.э.) в «Походе Александра» (VI.24), где упоминается отступление Семирамиды, «когда она бежала от индов. И у нее, по рассказам местных жителей, уцелело только 20 человек из всего войска» [Арриан 1993, 213]. Однако в «Индике» Арриана говорится только о намерении Семирамиды пойти на индийцев, которое остановила ее смерть.

[24] Здесь К. Банерджи отсылает к мифической версии основания Афин в диалоге Платона «Тимей»: египетские жрецы богини Нейт сказали афинскому архонту Солону (VII–VI в. до н.э.), что за 9 тыс. лет до него якобы существовало развитое и справедливое афинское государство, служившее царям Египта образцом при составлении законов. Но о «колонии» речь не идет, и нет никаких свидетельств о существовании государств в 10 тыс. до н. э. где бы то ни было.

[25] К. Банерджи имеет в виду римскую матрону Лукрецию, покончившую с собой после того, как сын царя Секст Тарквиний изнасиловал ее. Самоубийство Лукреции послужило поводом для восстания против царской власти (ок. 510 или 508 до н.э.), поднятого Луцием Юнием Брутом, соратником мужа Лукреции Тарквиния Коллатина. Прозвище «Брут» (лат. Brutus – глупец, тупица) Луций Юний получил, вынужденно скрывая свой ум во время царских репрессий. Царь Тарквиний Гордый был низложен и изгнан вместе с сыном. История Лукреции изложена в «Истории Рима» Тита Ливия и в других источниках.

[26] Ксенофонт, «Воспоминания о Сократе» (IV, 5, 11).

[27] В «Истории» Геродота (I.90–91) говорится о двух пророчествах оракула в Дельфах Крезу (595–546 до н.э.), последнему царю Лидии (с 560 до н.э.): о том, что если он начнет войну против царя персов Кира, то разрушит великое царство, и о муле. Разрушенное царство оказалось его собственным, так как Крез не понял, что под мулом имелся в виду Кир, чья мать была дочерью мидянского царя, а отец-перс обладал более низким статусом и был подвластен этому царю.

[28] К. Банерджи имеет в виду знаменитые сражения времен греко-персидских войн: Марафонское сражение 490 г. до н.э., в котором греки нанесли поражение войску Дария, битву при Фермопилах против войск Ксеркса и морское сражение в Саламинском проливе в 480 г. до н.э., когда был разбит флот персов.

[29] Константин I Великий – (ок. 285–337) римский император, проводивший политику поддержки христианской церкви и, по свидетельству Евсевия Кесарийского, перед смертью принявший христианство.

[30] Перечислены имена известных в истории европейских монархов. Альфред Великий (ок. 849–901) – король Уэссекса, объединивший ряд соседних англосаксонских королевств и впервые назвавший себя королем Англии. Карл V (Габсбург, 1500–1558) – император Священной Римской империи, пытавшийся создать мировую христианскую державу и ведший войны с Францией и Османской империей. Генрих VIII (Тюдор, 1491–1547) – английский король, при котором страна прошла период Реформации; в 1534 г. был провозглашен главой англиканской церкви. Людовик XIV (1648–1715) – французский король из династии Бурбонов, при котором абсолютная монархия достигла пика; вел многочисленные войны. Вильгельм III (1650–1702) Оранский – штатгальтер Нидерландов, призванный во время Славной революции (1688–1689) на английский престол как Уильям III.

[31] Образное выражение К. Банерджи отсылает к сюжету трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта», в которой юные герои погибают в фамильном склепе семьи Капулетти.

Перевод с английского Т.Г. Скороходовой
под редакцией А.А. Нейвирт